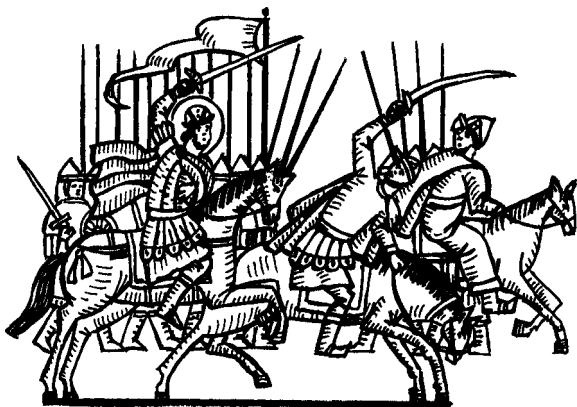

Стилистика летописных повестей о Куликовской битве

© Н. В. ТРОФИМОВА,
доктор филологических наук

Куликовская битва (или Мамаево побоище) вызвала к жизни целый ряд произведений, которые принято называть “Повести Куликовского цикла”. К ним относятся летописные повествования, “Задонщина” и “Сказание о Мамаевом побоище”. Два последних памятника хорошо известны читателям и основательно изучены. Летописные повести в большей мере привлекали внимание ученых в качестве исторических источников, между тем, и они представляют собой интересные, своеобразные по стилю памятники литературы.

Повесть о Куликовской битве, помещенная в Рогожской и Симеонской летописях, является так называемой краткой, а в Софийской I и Новгородской IV – пространной редакцией [1]. Второй из них Б.М. Клосс по Новгородской IV летописи приписывает авторство Елифанию Премудрому [2], создателю стиля *плетения словес*, основанного на системе повторов риторических и поэтических приемов. Но и краткая редакция повести содержит приемы этого стиля.

Краткая редакция [3] представляет собой типичную летописную воинскую повесть, фиксирующую лишь основные моменты событий. В ней использование элементов *плетения словес* связано, главным образом, с характеристикой персонажей. Приемы этого стиля проявляются в определении целей Дмитрия, отправившегося в поход против Мамаю, “хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правверную ве-

ру христианскую и за всю Русьскую землю". Автор хотел раскрыть патриотический замысел князя и воспользовался трехчленом, первые две части которого синонимичны, а последняя носит обобщающий характер.

После боя говорится о речи, обращенной Дмитрием к воинам: "*похвали похвалами дружину свою, иже крепко бишася сь иноплеменики и твердо зань брашася, и мужьскы храброваша и дръзнуша по Бозе за веру христианскую*". Тавтологическое сочетание и дальнейший ряд однородных членов, выражающих синонимические или близкие по смыслу понятия, подчеркивают величие подвига русских воинов. О самом Дмитрие сообщается, что он возвратился в Москву "*с победою великою, одоле ратным, победив врагы своя*". Три синонимических оборота способствуют увеличению экспрессии авторской оценки событий.

Пары близких по смыслу слов определяют судьбу Мамай, бежавшего с поля битвы, а затем ряд однородных членов характеризует чувства предводителя татарского войска: Мамай "*видя себе бита и бежавша, и посрамлена и поругана, паки гневашеся, неистовся, яряся и сьмушася*".

Используются повторы и в повествовании о военных действиях. Так, рассказывая о начале боя, летописец использует трехчлен, в конце частей которого возникают созвучия, подобные рифме: "И ту изопльчишася **обои** и устремшася **на бои** и соступишася **обои**...".

Далее автор применяет два варианта формулы начала битвы, оба с эпитетами: "брань крепка зело и сеча зла". Изображая сцену традиционного *стояния на костях* после победы, летописец перечисляет всех, кто был с московским князем в этот момент: "с прочими князи Русьскими и с воеводами и с бояры и с велможамы и со остаточными плъки Русьскими". Такое перечисление не добавляет ничего к содержанию произведения, но придает торжественность сцене победы русского воинства.

Две триады однородных членов использованы в рассказе о воинских трофеях, захваченных после боя: "погна бо с собою многа стада **конии, вельблуды и волы**, имже несть числа, **и доспех, и порты, и товар**". Эти подробные сведения о военной добыче, идущие, главным образом, от новгородской летописной традиции, еще раз подчеркивают мысль о значении победы для русских людей.

Таким образом, кратко отражая ход важнейшего для Руси той эпохи события, летописец сумел с помощью элементов стиля *плетения словес* передать значение Куликовской битвы и свое отношение к ней.

Пространная редакция [4] повести о Куликовской битве детализирует ход событий, представленных краткой повестью. В то же время одним из ее источников, возможно, была повесть в младшем изводе Новгородской I летописи, имеющая с ней ряд сходных фрагментов. Каждая из частей краткой повести развернута в пространной за счет описаний, речей и молитв персонажей, авторских отступлений.

В первой части вслед за сообщением о сборе Мамаем войск появляется авторская реплика, предвосхищающая ход событий и утверждающая божественное покровительство князю Дмитрию. Затем летописец помещает сообщение о призыве Мамаю к союзникам, раскрывающем замысел царя завоевать всю Русскую землю. Подробно рассказывается о посылках Мамаю и Олега Рязанского, причем автор дает недвусмысленные оценки действий обоих персонажей.

На этапе подготовки к битве летописец приводит пять молитв князя Дмитрия Ивановича, четыре его речи, посольскую речь Олега к московскому князю, речь Мамаю, две речи бояр Дмитрия на совете, плач русских женщин, грамоту преподобного Сергия. Почти все эти фрагменты лишены сюжетных функций. Молитвы характеризуют главного героя и так же, как грамота Сергия, подтверждают мысль о Божественном покровительстве ему, речи выражают намерения персонажей или их мнения, лишь последняя реплика Дмитрия мотивирует ход событий. Плач служит элементом описания состояния всех русских людей в момент выхода войска в поход.

В то же время повествование в этой части, наряду с эмоциональностью, отличается последовательной документальностью, выражающейся в указаниях на время событий, количество войск, их состав. Весть о сборе сил Орды против Руси доходит до Дмитрия “месяца августа”, три недели стоит за Доном Мамай, ожидая Ягайла. Войска великого князя выходят “месяца августа в 20”, к Дону они приходят “за два дни до Рожества святыя Богородица”.

Рассказывая о сборах двух войск, летописец перечисляет, с одной стороны, все народы, которые были в войске Мамаю, с другой – князей-союзников Дмитрия, причем указывает, что московский князь “сбрав своих 100000 и сто” воинов, “и всех ратей числом с полтораста тысяч или съ двести тысячи”.

Вторая часть повествования содержит подробный рассказ о битве. Как и в первую, автор вносит в нее большое число внесюжетных элементов: молитву Дмитрия, две его речи, две речи Мамаю, речь князей и воевод к Дмитрию, свои оценочные реплики и отступления. Особое место занимает описание природы утром в день битвы: до третьего часа утро было туманным, но Бог повелел “тме уступить, а свету пришествие даровати”. Реальное описание природных явлений приобретает символический оттенок благодаря традиционному противопоставлению света и тьмы.

Большое место занимают описания каждого из этапов битвы: подхода войска к месту будущего сражения, начала и хода боя, состояния и поведения воинов, бегства татар и их поражения. Уже после рассказа о битве в отдельный фрагмент, нарушающий хронологию, выделено повествование о роли Дмитрия Ивановича в бою, о том, как он отказался биться не в передовом полку, отвергнув предложение бояр. Завершает-

ся описание битвы сообщением об опоздании Ягайла Литовского (собиравшегося поддержать Мамай) к моменту сражения и его бегстве при известии о поражении татарского темника. Так же, как и в первой части, ощущается документальное начало. Дмитрий приказывает искать броды и мостить мосты через реку “в канун праздника Пречистыя”; “заутра же субботу порану месяца сентября в 8 день, в самый праздник Рождества Пречистыя” князь начинает ставить полки; битва продолжается “от 6-го часа даже до 9-го”; в девятый час происходит видение: “верным” воинам являются небесные силы, помогающие им в битве (святые Георгий и Дмитрий, Борис и Глеб, архангел Михаил).

В конце рассказа о битве сообщается о погибших русских воеводах, причем автор замечает: “зде же не все писаны избиенных имена, но токмо князи и воеводы нарочитыя, и старших бояр, а прочих бояр и слуг оставих имена и не писах множества ради имен, мнози бо на тои брани побьени быша”. Стремление автора к точности заставляет ограничить документальные сведения разумными пределами.

Третья часть повести традиционно сообщает о торжестве победителей, приводится благодарственная молитва Дмитрия Ивановича. Далее помещены три эпизода, непосредственно связанные с взаимоотношениями князей и Золотой Орды после Куликовской битвы. Это рассказы о послах из Рязанской земли, которые сообщили о бегстве князя Олега и просили Дмитрия не посылать на них рати; о бегстве Мамай, его битве с Тохтамышем и гибели; об установлении отношений русских князей с новым правителем Орды. Таким образом, эта часть сюжетно усложнена.

Как видим, развитие традиционного построения воинской повести происходит за счет использования разных компонентов. Автор вставляет в текст большое количество молитв и распространенные описания хода военных действий. В повесть введены дополнительные композиционные элементы (пейзажи и видения). Автор нарушает и хронологический порядок повествования путем перестановки рассказа об участии Дмитрия в бою. Дополнительные сюжетные эпизоды соединены в третьей части; использованы большие авторские отступления.

Значительное внимание уделено в повести персонажам. Главный герой Дмитрий Иванович охарактеризован через действия, речи, молитвы, авторские отступления. Эпитеты, изображающие его, этикетны: *благочестивый, крестолубивый, боголюбивый*; в соответствии с ними автор на протяжении всей повести подчеркивает покровительство небесных сил князю.

Черты Дмитрия – полководца, представленные в сюжете повести, обычны для жанра. Однако на первое место автор ставит качество, особенно важное для эпохи создания произведения, – умение объединить силы князей. Не случайно, говоря о сборе войска, летописец использует гиперболу: “И съвокупився с всеми князи рускими и с всею силою... От начала миру не бывала сила такова русских князей...”.

Важные черты, свойственные князю-христианину, – кротость и миролюбие. Он пытается договориться о дани с Мамаем, “не хотя кровопролития”. Только отказ татарского военачальника вынуждает его идти на битву, получив благословение епископа Герасима, а затем благословенную грамоту преподобного Сергия уже на Дону. У самого Дмитрия есть твердая убежденность в правоте, которая выражена в его молитве: “Господь, не повелел еси в чюжии предел преступати... Оканьии Мамаи, нечестивии сыродец, на христианство дерзнул, кровь мою хотя пролиати и всю землю осквернити, и святыя церкви Божия разорити”. Поэтому князя не убедили слова воевод, советовавших ему не ходить на бой, “понеже умножишася врагы наша”. Мужество Дмитрия, его готовность сразиться с сильным противником подчеркнуты авторским отступлением: “О *крепкыя и твердыя* дерзости мужество, о како *не убося, ни усумнеся* толико множество противных ратии! Се бо вьсташа на нь **три** земли и **три** рати, татарская и литовская, и рязанская”. Обратим внимание на то, что автор использует повтор сочетаний с числом **три**, хотя ему известно, что реально в сражении ни литовские, ни рязанские войска не участвовали.

Личное мужество Дмитрия показано в уже упоминавшемся фрагменте, описывающем его действия в бою, который вынесен за пределы рассказа о битве. Формально появление этого отрывка не на своем месте оправдано замечанием автора о том, что, хотя многие были убиты, а “Дмитрию Ивановичу быше весь видети доспех его бит и язвень, но на телеси же его не бысть раны никоеа же. А бился с татары в лице, став напереди на первом суиме”. После этого летописец возвращается к началу битвы, приводя слова бояр, уговаривавших князя не сражаться в передовом полку. Дмитрий, отвечая им, говорит о том, что он должен первым давать пример войску, “пред всеми главу свою положить за свою братию и за вся христианы”. Летописец не только сообщает о намерении Дмитрия, но и показывает отвагу и ратное умение, проявленные князем во время битвы: “... быше бо ся с татары тогда, став напереди всех, а елико одесную и ошуюю его *многожество* вои его битых, а самого же вькруг оступиша, акы вода *много* обополы, и *много ударения ударишася* по главе его и по плещема его, но от всех сих Бог заступил его”. В построении фразы замечен трехчленный оборот, обозначающий обстоятельства, в которых сражался князь; в каждой из частей его есть слова *много* или *многожество*, а тяжесть боя для героя подчеркнута тавтологическим оборотом.

Дмитрий, который один стоит среди врагов, окруживших его, напоминает былинного богатыря. Эта характеристика дополняется в конце второй части повести упоминанием о том, что Ягайло, не успевший к месту битвы, победжал, узнав о поражении Мамаия, “со *многою* скоростью, никим же гоним. Не видеша тогда **великого князя, ни рати его, ни оружия его, токмо имени его бояхуся и трепетаху**”. Первый из выде-

ленных оборотов представляет собой синонимический трехчлен, усиливающий эмоциональное впечатление от ничем не оправданного бегства литовцев. Второй содержит гиперболизированный образ, использовавшийся в литературе по отношению к предкам Дмитрия – Владимиру Мономаху и Александру Невскому, чем ставит Куликовскую битву в ряд славных побед русских князей. Из всего сказанного ясно, что летописец стремился не только передать в деталях ход событий, но и охарактеризовать главного героя.

Воины Дмитрия наделены теми же чертами характера, что и он, прежде всего храбростью: “и не устрашишася христиане, дерзнувшие яко велици ратници”. Силу и опыт проявили воины в жестоком бою, описанном автором гораздо более красочно и подробно, чем это было принято в традиции: “Бьющим же ся им от 6-го часа даже до 9-го, и *пролияся кровь акы дождева туча*, обоих, и крестьян, и татар, и **множество много бесчисленное** падоша трупия мертвых обоих. *И много русь побьени быша от татар, а от руси татарове, и паде труп на трупе, паде тело татарское на теле хрестыньстем*, инде же бяше видети, русин за татаринომ гоняшеся, а татарин русина стигаше, и смятоша бо ся, и размесишася, кыждо убо своего супротивника искаше победити”. Яркость описания достигается тавтологическим трехчленом, характеризующим большое количество погибших. В последней фразе также трехчленным построением изображается поле сражения и упоминаются противоборствующие войска. Вторая часть в этом трехчлене состоит из двух синонимичных синтаксически параллельных частей.

Главный враг Руси Мамай также представлен в повести гораздо более детально, чем в предшествующих произведениях того же жанра. В отличие от Дмитрия он получает авторскую характеристику с помощью разнообразных эпитетов: *оканныи, нечестивыи, сверепыи; старыи злодеи; безбожныи; зловерныи... поганыи... нечестивыи; нареченыи диявол плотныи*. Авторская характеристика дополняется эпитетами и метафорами, содержащимися в речах Дмитрия: он называет врага *оканным и безбожным; нечестивым сыродядцем; акы змии ко гнезду; яко некая ехидна*. Воинские качества Мамай, в отличие от черт Дмитрия, не характеризуются, а речи его выполняют главным образом сюжетную функцию. Зато обращено внимание на чувства, испытываемые им на разных этапах развития событий. Вначале это гордость и ярость: *разгордевся, люте гневаяся; възбужся и възгордеса и гневаяся; высоко мысляше; възъярися зраком, и смутися умом, и распалися лютою яростию, и наполнися, акы асида некая, гневом дышуще*. Дважды в этих характеристиках использованы трехчлены. В ходе битвы Мамай сам говорит о состоянии своем и воинов: “Власи наши растерзаются, и очи наши не могут огненных слез истачати, и сердце растаеает, и чресламы протерзаются, и коленими изнемогают, и руцями оцелают”. Характеристика эта состоит из восьми относительно параллельных конструк-

ций, детализирующих состояние ужаса, испытываемого татарскими воинами. Видя свое поражение, Мамай “с страхом стрепетав и велми вѣстонав”. Прибежав с поля битвы, он вновь хотел идти на Русь, “видя себя бита и побежена, и посрамлена, и поругана, и паки гневашеся и яряся зело”. Фрагмент состоит из четырехчлена, характеризующего итог битвы для Мамаи, и двучлена, описывающего его чувства. Такое подробное описание состояний и чувств вражеского полководца не было обычным для воинской повести. Оно подчеркивало неприязнь к Руси и гордость, за которые враг был наказан поражением.

Еще более резкой, чем Мамай, характеристики удостоен в произведении Олег Рязанский, русский, христианин, помогавший врагу Руси. Поэтому автор использует резкие оценочные эпитеты в его описании: *велеречивый и худой; льстивый сотоньщик, диаволь советник, отлученный сына Божия, помраченный тмою греховною и не восхоте разумети, поборник бесерменский и лукавый князь; душегубивый; лукавый кровопроливец крестьянский, новый Июда предатель; отступник наш... отступивший света во тму*. Двуличие персонажа проявляется в эпизоде, рассказывающем об обмене послами рязанского князя с Мамаем и договоренности о встрече войск, а затем посольстве Олега к Дмитрию с сообщением о том, что Мамай и Ягайло идут на Рязанскую землю, а затем на Москву. Олег, узнав о победе Дмитрия, не дождался прихода рати московского князя в свою землю и бежал, сознавая свою вину. Поэтому рязанское посольство уговорило Дмитрия не присылать войско на город, и московский князь ограничился тем, что посадил в Рязани своих наместников.

Характеризуя Олега, летописец дважды использовал библейские цитаты. Говоря о его отношениях с Мамаем, автор заметил: “Яко же рече Христос: от нас изидоша, а на ны быша”. Эти слова дают резко отрицательную оценку героя: исследователи, комментируя цитату, отметили, что речь в Библии идет об “антихристах”, которые явятся в последние времена и ополчатся на христиан. Второй текст включен в авторское эмоциональное отступление: «О враже изменниче Олже, лихоимства открываеши образ, а не веси, яко меч Божии острится на тя, яко же пророк рече: “Оружие извлекоша грешници и напругоша луки своя стреляти в мрак правых сердцем, и оружие их вниде в сердца их, и луци их съкрушатся”». И отступление, и цитата содержат не только оценку персонажа, но и пророчество его судьбы.

Напоминают характеристику предводителей вражеских войск эпитеты, данные их подчиненным: *темные, поганые князи; звери сыроядцы и кровопролитцы крестьянские; оканнии измаилтяне; безбожнии татарове*. В конце битвы они, как и Мамай, “страхом одержими суще от мала и до велика, на побег устремишася”.

Расширение характеристик врагов Руси, несомненно, служит усилению сюжетной напряженности повествования, поскольку читатель яр-

ко представляет себе мощь и опасность врагов, и в то же время делает более ощутимыми, по принципу антитезы, положительные качества русского воинства.

В эпизоде выступления московского войска в поход раскрыты чувства мирных жителей, провожающих своих близких: “и бысть в городе на Москве и по всем градом **туга велика и плачь горек и глас рыдания**”. Выделенные три словосочетания близки по значению и детально изображают состояние людей. Этот ряд дополняется библейским сравнением с безутешным плачем Рахили о детях своих и сопровождается авторским эмоциональным восклицанием и плачем русских жен, который содержит яркий выразительный образ *злострастных горькая печали*. Итак, при раскрытии образов героев, особенно для изображения их чувств, использованы многообразные приемы и художественные средства, мало применявшиеся в традиции воинских повестей.

Гораздо активнее, чем в предшествующих текстах воинской традиции, проявляет себя повествователь. Он оценивает героев через эмоционально окрашенные изобразительно-выразительные средства, широко использует отступления и библейские тексты для выражения своих чувств и подтверждения мыслей.

Применяя воинские формулы, летописец стремится распространить их, придавая им яркость и выразительность. Так, описывая собравшиеся на поле боя войска, автор дополняет формулу множества гиперболой: “и бысть же обоих многое множество, яко и земля тутняше, горы и холми трясахуся”, которую принято возводить к тексту “Слова о полку Игореве”. Удваивается формула начала битвы в рассказе о сражении на Куликовом поле, как это было в ряде предшествующих повестей: *и бысть сеча велика и брань крепка*. В кратком сообщении о бое Мама с Тохтамышем применен один из простых вариантов формулы: *и бысть им бои*. Использована трехчастная форма конструкции судьбы побежденных с соблюдением в ней синтаксического параллелизма: “**инии** бо мечи пресекаеми бывають, а **инии** сулицами прободаеми, а **инии** на копия взимаеми бывають”. В традиционном виде введены формулы *бесчисленное множество; гоними гневом Божиим* по отношению к бегущим татарам. Соединены в одном предложении две формулы победоносного окончания битвы, при этом обе они распространены: “**став** тое нощи на поганных обедищех и **на костех татарских, утер поту своего** и отдохнув от труда своего”.

Помимо уже упомянутых средств, нужно отметить в повести значительное количество гипербол. Часть их уже приведена нами в связи с характеристикой героев, ряд их можно дополнить еще несколькими примерами. Говоря о могуществе русского войска, летописец сообщает: “переидоша за Дон... яко и основанию земному двинутися от множества силы русские”, а о результатах одержанной победы упоминает: “И **мнози** вои... пригнаша с собою **многа** стада конии, и велбуди, и во-лы, им же **несть числа**”.

К средствам стиля *плетения словес* относятся отмеченные нами конструкции синонимического характера или включающие однородные члены, наиболее полно описывающие событие. Они состоят чаще всего из трех, иногда из двух, четырех, пяти или семи частей, причем количество их в повести очень велико. Кроме них нужно назвать тавтологические эпитеты: *непобедимая победа*; *прехвальными похвалами*; сложные определения – *човеколюбивый Бог*; *многоименитая госпоже царице небесных чинов*; *Господи всемогущий и всесильный*; *богохранимый град*.

Как и все повести в летописях, использующие элементы стиля *плетения словес*, повествование о Куликовской битве стоит у истоков поиска новых средств изображения человеческой личности.

Литература

1. Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
2. Клосс Б.М. Житие Сергия Радонежского // Избранные труды. М., 1998.
3. Краткая повесть о Куликовской битве // ПСРЛ. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Т. 15.
4. Пространная повесть о Куликовской битве // ПСРЛ. Софийская I летопись старшего извода. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.
5. Слово о погибели Русской земли // ПЛДР. XIII век. М., 1981.

